

«КАРИБСКИЙ ГАЗОВЫЙ КРИЗИС» ЕВРОПЫ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ ЕВРОПЫ ВЕДУТ ЕЕ К САМОРАЗРУШЕНИЮ СВОИМ НАМЕРЕНИЕМ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ РОССИЙСКОГО ЭНЕРГОИМПОРТА

АНДРЕЙ КОНОПЛЯНИК

Д.э.н., профессор, член Научного совета РАН по системным исследованиям в энергетике¹

Сегодня большинство западных обозревателей считают, что истинной причиной энергетического кризиса в Европе являются действия России, и в особенности начавшаяся 24 февраля с.г. «специальная военная операция» (СВО). Однако, с точки зрения автора, новый виток антироссийских санкций сначала в ответ на признание Россией ДНР и ЛНР 22 февраля, а затем и на СВО, и последующая мгновенная взрывная реакция рынков на эти события лишь усугубили кризисную ситуацию, сложившуюся в энергетике Европы, начиная с середины 2021 года, то есть задолго до февральских событий года нынешнего.

Эта кризисная ситуация явилась результатом предшествующих рукотворных действий руководства ЕС, его законодателей и регуляторов, которые посредством насаждаемых сверху административных реформ выстроили современную архитектуру внутреннего Европейского рынка газа, очень чутко и нервно реагирующего на любые изменения на спотовых рынках (т.е. на рынках разовых сделок), особенно на конкуренцию между Европой и Азией за портфельные поставки «гибкого» (потому что может плыть в разных направлениях, в отличие от трубопроводного газа) СПГ.

Санкции против России, с их прямыми и немедленными возвратными эффектами (каждый, вводящий санкции, вводит их одновременно и против себя), еще более усугубили негативные последствия для самой Европы. И продолжают их усугублять через отложенные эффекты неизбежных ответных контрсанкций со стороны России. А также через их долговременные мультипликативные эффекты (т.н. «петли обратных связей») за пределами энергетических отраслей.

¹ Примечание: изложенные взгляды отражают личную позицию автора и являются исключительно его персональной ответственностью.

Европа и Россия: два подхода политиков

Европе придется, пройдя все пять стадий «принятия неизбежного», приспособливаться к этой «новой реальности», в которую она сама себя загнала. При этом «Россия – добрая душа» вводит изменения в действующие порядки отношений с Европой в ответ на санкционные действия и ограничения, которым подверглась сама наша страна, исходя из совсем иных, на мой взгляд, чем у авторов антироссийских санкций, целеполаганий.

Мелькающие по телеэкранам и в СМИ европейские политики высокого ранга явным образом демонстрируют стремление «назло бабушке отморозить уши», призывая «наказать Путина» сначала за, якобы, организованный Россией/Кремлем/Газпромом энергетический кризис в Европе, затем за признание ДНР и ЛНР, наконец, за СВО на Украине. Они призывают радикально обрезать возможности для России получать доходы от энергетического экспорта, якобы «идущие на поддержание войны и удушение демократии», призывая к сокращению вплоть до полного отказа от импорта российских энергоресурсов. Пусть даже для этого населению европейских стран – электорату этих самых политиков – придется страдать от высоких цен, низких температур в плохо отапливаемых в целях экономии средств помещениях, от закрытия промышленных и особенно энергоемких производств и т.п., то есть смириться с резким ухудшением благосостояния (рост расходов, снижение доходов) своих народов ради «благой» цели – «наказания Путина».

Целью любого ответственного государства и его политиков (законодательная власть), правительства (исполнительная власть) является повышения благосостояния собственного народа – своих избирателей и налогоплательщиков, голосами которых политики приходят к власти и на деньги которых содержатся государственные институты. Сегодня многие европейские политики, призывающие «затянуть потуже пояса, чтобы наказать Россию», явным образом демонстрируют, что их правительства – очевидно антинародные, ведущие к саморазрушению Европы.

Россия же, вводя защитные меры против санкций и контрсанкций, нацелена в первую очередь на сохранение стабильности и обеспечение дальнейшего развития страны, руководствуясь «разумными и достаточными», но далеко идущими по своим последствиям мерами (как, например, введение нового порядка расчетов за поставки трубопроводного газа на экспорт).

О необходимости осознания взаимозависимости в разгар кризиса

Автор убежден, что Россия и Европа теснейшим образом взаимосвязаны и взаимозависимы сквозь череду веков общими страницами культурной и экономической истории, хотя временами с противоположными коннота-

циями и реминисценциями каждой из сторон. В энергетике теснота связей и взаимозависимость сторон усугубляется на инженерно-техническом уровне – поскольку мы неразрывно связаны общей трансграничной стационарной капиталоемкой крупно-масштабной протяженной диверсифицированной инфраструктурой. Она могла бы стать хорошей основой для формирования сначала «общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока». Эта обоюдосторонняя инициатива активно продвигалась много лет назад. И скорее всего будет неизбежно востребована как необходимая технологическая основа в рамках формирующегося (в ответ на объективные вызовы) большого Евроазиатского энергетического пространства, включающего связанные единой инфраструктурой рынки Европы, Азии и России. Причем Россия выступает также как центральное ресурсное звено и энергетический мост между рынками Европы и Азии [1].

Поэтому в обоюдных интересах ЕС и России продолжать сотрудничество, особенно в энергетике, что приведет, в том числе, к росту благосостояния европейских и российских граждан и упрочит конкурентные позиции обеих сторон на мировых рынках. Хотя, конечно, «новая нормальность», которая неизбежно должна будет установиться после текущих политических турбулентностей, проходящих ныне через высшую фазу размежевания сторон за последние годы, будет отличаться от системы прошлых экономических и энергетических отношений. Это, как бы парадоксально не прозвучало данное мое высказывание сегодня для многих, открывает новые возможности для России и ЕС в рамках «новой нормальности», построенной на новых реалиях.

И это я утверждаю в период взрывного нарастания антироссийских санкций и настроений в Европе и вала призывов многочисленных европейских (и не только) политиков и в международных СМИ разорвать энергетические отношения с Россией и отказаться полностью от российских энергоресурсов. А то и вообще от любых экономических отношений с Россией (есть и такие «горячие головы»...).

Рукотворная архитектура энергетического рынка ЕС...

Регуляторное «сверху-вниз» реформирование энергетики ЕС проходило поэтапно. Началось оно принятием Первого энергетического пакета ЕС (1996/1998 годы), продолжилось Вторым (2003 год) и завершилось Третьим энергопакетом ЕС (2009 год) и подзаконными актами к нему (Сетевые кодексы, 2010-2016 годы). Эти длительные реформы радикально преобразовали рыночный ландшафт в европейской энергетике и сформировали, в том числе, новую архитектуру единого рынка газа ЕС. Она построена на положениях (целеполаганиях) Римского договора о формировании ЕС 1958 года о свободе перемещения людей, товаров и услуг, капиталов и т.п. внутри фор-

мируемого единого европейского экономического и политического пространства. До начала реформирования национальных энергохозяйств европейских стран в направлении создания единых энергетических рынков объединенного ЕС на основе принципов Римского договора, по объективным причинам (энергетика – одна из наиболее капиталоемких, если не самая капиталоемкая, отраслей экономики), «дошли руки» только к середине 1990-х годов. Этот процесс, безусловно, подтолкнули тектонические геополитические сдвиги на карте «Большой Европы» – распад системы СЭВ и затем Советского Союза.

Вертикально интегрированные энергетические компании (ВИК, типа BP, Shell), были дезинтегрированы. Причем именно эти компании фактически создали европейскую газовую отрасль, ибо только им, помимо государства, были под силу крупномасштабные инвестиции в капиталоемкие инвестиционные проекты по созданию европейской энергетической инфраструктуры, в том числе, для доставки потребителям тогдашней Западной Европы советских тогда нефти и природного газа (которые были востребованы как более надежная альтернатива ставшим ненадежными, по мнению стран-импортеров, поставкам из ОПЕК после нефтяного эмбарго 1973 года и перехода к этой Организации контроля, перехваченного ею у Международного нефтяного картеля семи крупнейших ВИК, над нефтяными поставками в мировой системе нефтеснабжения). Именно ВИК, с их массивными капиталовложениями и долгосрочными контрактами (ДСК) на поставку и транспортировку обеспечивали окупаемость инвестиций, что в нефти, что в газе. И именно эта инфраструктура является основой для энергетического бизнеса, связывая между собой далеко разнесенных в пространстве потребителей энергоресурсов и их производителей для импортно-зависимой Европы.

После принятия Второго энергопакета ЕС (2003 год), ВИК оказались «вне закона» в рамках законодательно закрепленной философии «анбандлинга» (unbundling), то есть разделения конкурентных (добыча и конечное использование) и естественно-монопольных (транспортировка) видов бизнеса.

Но... мавр сделал свое дело – мавр может умереть. Видимо, в ЕС возобладало мнение, что фаза первоначального формирования базисной инфраструктуры, требующая концентрации капиталов, что могли обеспечить немногочисленные крупные ВИК, завершена, достигла необходимого и достаточного уровня развития. Приоритетной становится задача конкурентного использования этой инфраструктуры, для чего ее нужно выделить из состава ВИК (тем самым будет ослаблена их рыночная мощь, чтобы не допустить возможного монопольного завышения цен), обеспечить к ней недискриминационный доступ всех заинтересованных пользователей, конкуренция которых между собой должна (как пишут в учебниках

по экономике) привести к снижению цен для конечных потребителей. И будет всем счастье...

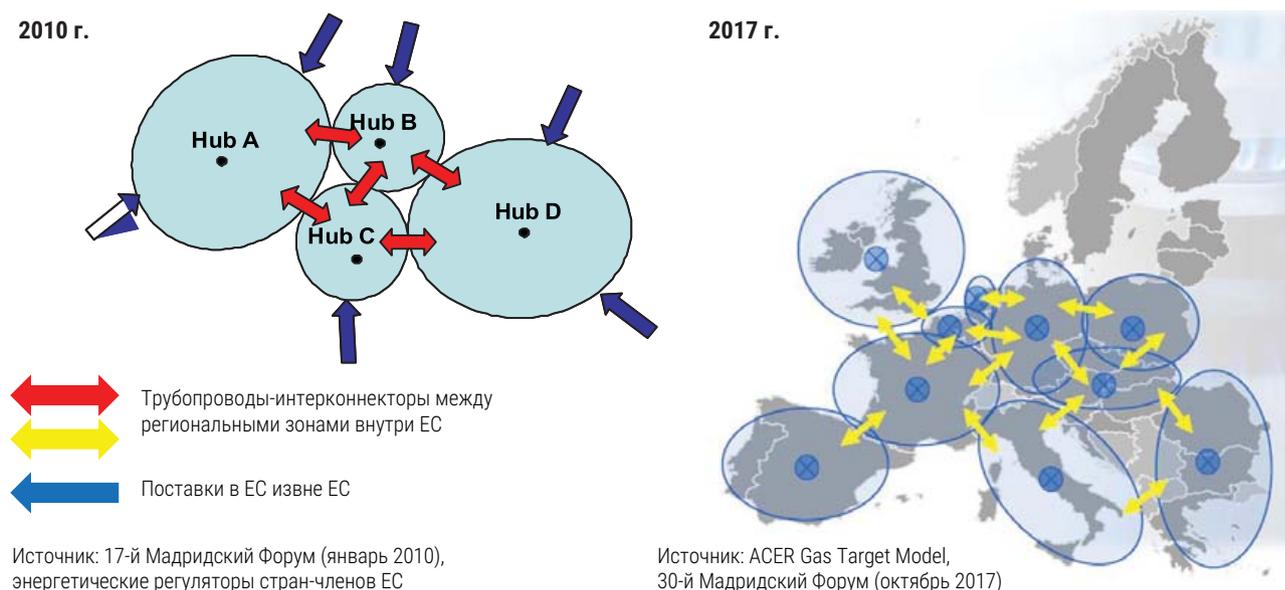
Второй энергопакет сделал юридической нормой в ЕС исключительно т.н. «обязательный доступ для третьих сторон» (ОДТС) к энергетической инфраструктуре.

Добыча (апстрим) и переработка, преобразование и конечное использование энергии (даунстрим), как конкурентные виды бизнеса, теперь стали законодательно отделены от транспортировки (мидстрим), являющейся сферой естественной монополии и естественно-монопольного бизнеса. Обязательный доступ третьих сторон (ОДТС) к энергетической инфраструктуре стал юридически обязательной нормой и общим правилом. В соответствии с Целевой моделью рынка газа (ЦМРГ) ЕС, внутренний рынок газа ЕС сегодня состоит из десятка рыночных зон, соединенных трубопроводами-интерконнекторами (по типу бассейна), с виртуальной торговой площадкой (виртуальным хабом) в каждой зоне (см. *рисунок 1*), на которых и формируются цены. Все это создавалось для обеспечения возможности свободных перетоков газа внутри ЕС от зон высоких к зонам низких цен, с целью их выравнивания внутри ЕС. И вся эта идеология была построена на твердом убеждении европейских законодателей и регуляторов в безусловной привлекательности рынка газа ЕС для внешних поставщиков, которые всегда и при любых обстоятельствах будут стремиться поставлять свой газ на этот рынок. Значит основная задача в таких условиях (на основе этих допущений) – обеспечить свободу перетоков газа внутри ЕС в соответствии с основополагающими принципами Римского договора.

Контрактная структура физического рынка газа ЕС состоит из двух сегментов: примерно 70% текущих поставок обеспечиваются по долгосрочным контрактам (ДСК) с формульным ценообразованием, остальное – в рамках спотовых поставок. Контрактные цены ДСК исторически были привязаны в Европе к ценам нефтепродуктов с лагом запаздывания 6-9 месяцев, что усредняло ценовые колебания газовых цен. Сегодня они привязаны преимущественно к спотовым и форвардным коттировкам – в текущих российских контрактах более чем на 80%.

Спотовые (с немедленной поставкой физического товара), форвардные (с отложенной поставкой физического товара) и фьючерсные (торговля контрактными обязательствами) цены определяются на хабах (торговых площадках) на основе ожиданий по изменению спроса и предложения рыночными игроками – участниками торговых сделок за пределами ДСК. Хабы формировались из предположения, что (в условиях ожидавшегося в ЕС перманентного избытка предложения) это будут ликвидные рыночные площадки, которые будут генерировать чистые и неискаженные ценовые сигналы участникам рынка. Однако сегодня критериям ликвидности европейских газовых торговых площадок, установленным ЦМРГ ЕС, в

Рисунок 1. Организация единого внутреннего рынка газа ЕС в соответствии с Третьим Энергетическим пакетом ЕС и Целевой моделью рынка газа ЕС

Примечание: 17-й Мадридский Форум (январь 2010) – первый после принятия Третьего энергопакета ЕС; 30-й Мадридский Форум – первый после принятия последнего подзаконного акта (Сетевого кодекса) к Третьему энергопакету ЕС; иллюстративное отражение представлений на тот и другой момент времени; Мадридский Форум – регулярное, 2 раза в год, собрание участников газового рынка ЕС под предводительством Еврокомиссии

Источник: А.Конопляник

частности, что т.н. показатель «чёрн» (churn, количество перепродаж товара на площадке в рамках текущей сессии) должен превышать восемь, соответствует фактически только голландская TTF (чёрн 125). Английская NBP (8-10) и австрийская SEGH (10-11) – лишь слегка превышают пороговое значение, а остальные газовые хабы ЕС сильно до него не дотягивают. Поэтому только TTF может давать более-менее неискаженные ценовые сигналы участникам рынка (именно поэтому российские контрактные цены привязаны к котировкам TTF), цены остальных площадок подвержены еще большим шараханиям.

Поэтому, когда на рынке избыток предложения – спотовые, форвардные и фьючерсные котировки идут вниз и остаются ниже контрактных цен (см. рисунок 2). Когда на рынке избыток спроса – спотовые и иные биржевые цены рвутся вверх, выше уровня контрактных цен. И могут «выстрелить» много выше последних, если/когда опасения и/или неопределенности для рыночных игроков становятся запредельно высокими. Что и происходило на рынке газа ЕС, начиная с середины 2021 года.

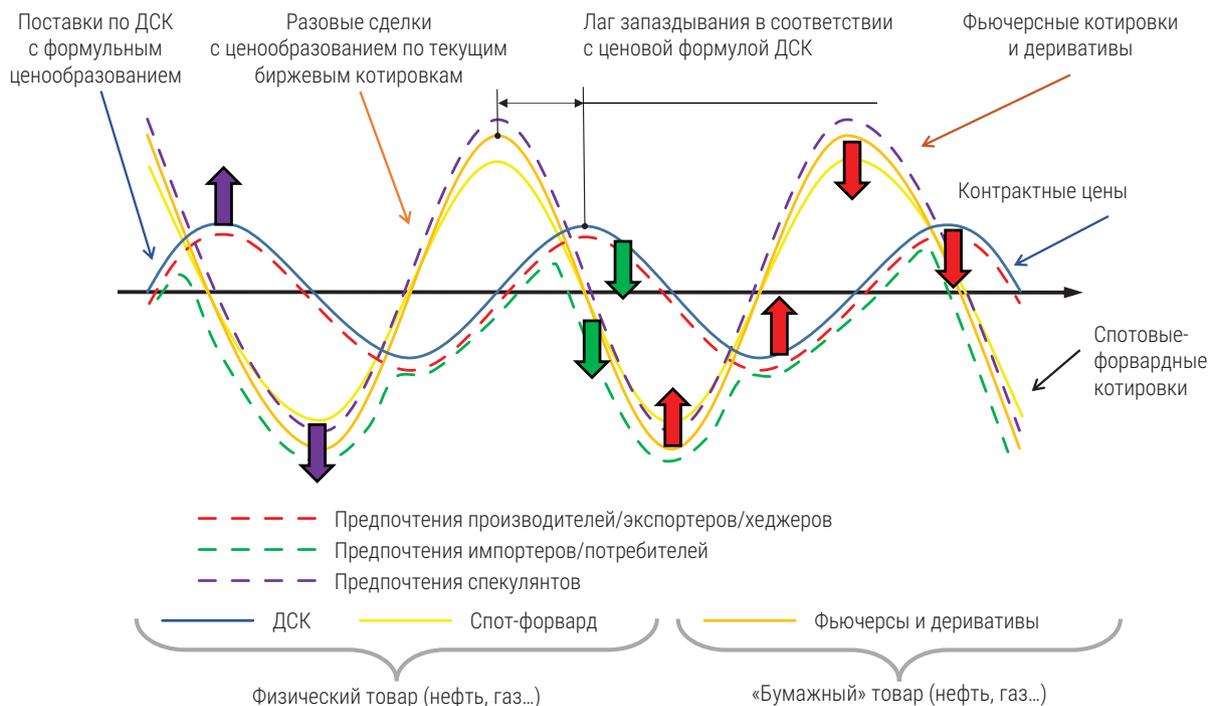
Это происходит, поскольку спотовые и фьючерсные котировки растут или падают не в результате изменения физического баланса спроса и предложения, а в результате изменения ожиданий рыночных игроков в отношении этого баланса. Как, например, сегодня, когда цены растут под влиянием спекулятивных опасений, подогреваемых западными политиками и прессой, что в результате СВО России на Украине (что подается как «в результате целенаправлен-

ных действий Вооруженных сил РФ») может быть разрушена ГТС Украины и таким образом прекращены поставки российского газа в ЕС через Украину – 40 млрд куб. м/год (таков контрактный объем транзитных поставок на период 2021-2024 годов) из 155 млрд куб. м/год российского газового экспорта в Европу в 2021 году (в такую цифру оценило его Международное энергетическое агентство/МЭА).

Порядка 70% поставок газа в Европу осуществляются на основе ДСК с ценами в три-четыре и более раз умеренными, чем спотовые котировки в результате лага запаздывания при расчете контрактных цен, заложенного в их расчетные формулы. Однако на первых полосках СМИ представлены именно вертикально взлетевшие спотовые и фьючерсные котировки. На долю спотовых сделок приходится примерно 30% физического рынка, но именно спотовые и фьючерсные – то есть, якобы, «настоящие рыночные» – котировки заложены преимущественно ныне в ценовые формулы ДСК. Двухсегментная (физический базис и финансовая надстройка) структура газового рынка ЕС активизировала мультипликативный эффект спотовых цен и усилила влияние физических дисбалансов на рынке на цены, особенно в условиях запредельно низких товарных запасов газа в подземных газохранилищах (ПХГ). И именно это происходило на рынке газа ЕС в прошлом году.

Взлет спотовых и биржевых цен на торговых площадках (хабах) также объясняется разогреваемыми опасениями, что Россия якобы остановит свои поставки в ЕС, используя их как «энергетическое оружие». Но уже мно-

Рисунок 2. Ценовые предпочтения производителей, потребителей и биржевых игроков

Источник: А.Конопляник

гократно было повторено, причем на самом высоком политическом уровне нашей страны, что Россия всегда твердо следовала и будет продолжать следовать в полной мере своим контрактным обязательствам.

...и как она сработала

В середине 2021 года постковидное восстановление и погодные условия увеличили спрос на газ в ЕС. Низкая ветровая нагрузка летом снизила выработку электроэнергии из возобновляемых ее источников (ВИЭ), в то время как жаркое лето увеличило спрос на электроэнергию для кондиционирования. Чтобы закрыть этот разрыв, были загружены дополнительные газовые и угольные генерирующие мощности, которые служат резервными мощностями для ВИЭ. Это привело к росту спроса на газ и уголь. Дополнительный спрос на уголь был покрыт преимущественно наращиванием его импорта из России. Выросший спрос на газ не был покрыт в полной мере, несмотря на рост импортных поставок и рост отбора из ПХГ при снижении внутренней добычи в ЕС.

ПХГ: Обычно в весенне-осенний период энергетические компании закачивают газ в ПХГ в порядке подготовки к зимнему отопительному сезону. В середине 2021 года, наоборот, трейдеры предпочитали не закупать дорогой газ для текущей закачки в ПХГ, а отбирать из ПХГ закачанный туда ранее газ, который был куплен по более дешевым ценам, чтобы продать его на рынке для покрытия спроса по

взлетевшим ценам и заработать в моменте. Это уменьшило уровень заполнения европейских ПХГ с середины 2021 года ниже средних значений за период 2015-2020 годов, что увеличило разрыв. Отклонение уровня заполнения ПХГ от средних значений было небольшим относительно общего уровня потребления газа в ЕС – менее 3% в декабре 2021 года. Но недостаток газа в ПХГ обычно сопоставляется участниками рынка не с уровнем потребления, и не с гарантированными поставками по ДСК, а с объемами балансирующего рынка спотовых продаж (см. последнюю статью С.Комлева в журнале «Газпром»[2]). Таким образом 3% превращаются в 9% – если отклонение уровня заполнения ПХГ от долговременных среднегодовых значений сравнивать со спотовыми поставками. Это усилило нервозность рынка и еще более подтолкнуло вверх спотовые и форвардные котировки. И сегодня уровень заполнения ПХГ ЕС остается на низком историческом уровне.

Добыча: Голландское месторождение Гронинген вскоре будет закрыто. А ведь это тот самый гигант, открытый в 1959 году, освоение которого запустило начало формирования европейского газового рынка и дало имя ДСК Гронингенского типа (см. Бокс 1) – инвестиционному инструменту и контрактной основе формирования рынка газа. С рубежа XX-XXI веков добыча в английском секторе Северного моря падает, а в норвежском стагнирует. Северная Африка также испытывает проблемы с наращиванием экспорта (в частности, из-за транзитного конфликта Алжира с Марокко).

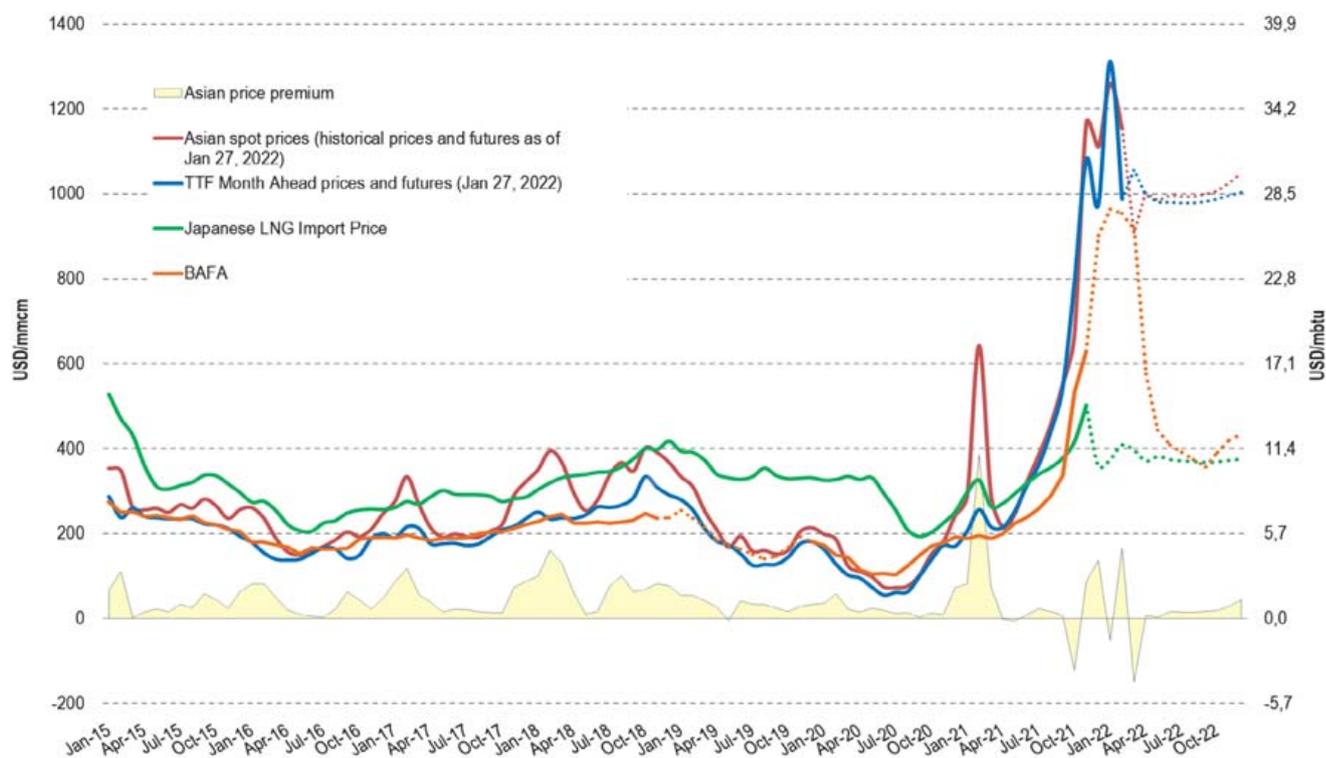
СПГ: Мощности Европейских регазификационных терминалов СПГ стоят полупустыми в течение последних двух лет, поскольку на испытывающем дефицит предложения глобальном рынке СПГ «гибкие» его поставки ушли в Азию за более высокой азиатской ценовой премией (см. рисунок 3). Только в декабре 2021 года «гибкий» СПГ (из портфельных поставок) пришел в Европу – в это время на Азиатском рынке наступило временное насыщение и премиальным рынком для СПГ на время стал рынок европейский. Но цена превращения Европы в «премиальный» рынок была запредельно высокой: в моменте на пике цена на TTF почти достигла \$4000/тыс. куб. м – примерно в 20 раз превысив среднегодовые экспортные цены российского газа в 2021 году и почти в 30 раз – в 2020 году.

«Газпром»: «Газпром» слегка снизил свои спотовые отгрузки в Европу во второй половине 2021 года, но при этом строго исполнял все контрактные обязательства по поставкам – в соответствии с заявками покупателей. «Газпром» не покрывал дополнительный европейский спрос сверх своих контрактных обязательств спотовыми поставками, за что МЭА, устами своего гендиректора Фатиха Биролы, необоснованно обвинило «Газпром» в том, что он способствовал созданию газового кризиса в Европе [3-4]. При этом такие обвинения не были выдвинуты в адрес экспортеров СПГ, которые предпочитали поставлять свой СПГ не в Европу, а в Азию в погоне за дополнительной «азиатской премией».

О том, что эти обвинения в адрес «Газпрома» необоснованы, публично возразил Биролу на страницах Financial Times другой не менее известный и уважаемый газовый специалист Джонатан Стерн [5], которому, в свою очередь, там же возразил другой известный в определенных кругах специалист Алан Райли [6]. Дискуссия свелась в основном к выснению разницы между «иметь право» и «иметь обязанность» поставлять газ (см. Бокс 2).

Итак, «Газпром» имеет право, но не обязанность поставлять избыточные (сверх контрактных обязательств) объемы в Европу, во-первых, потому, что его первой обязанностью, в соответствии с законом «О газоснабжении», является поставка на внутренний рынок – отечественным потребителям для текущего потребления и закладка в российские ПХГ для подготовки к зиме. Во-вторых, было бы странным ожидать, что Россия и «Газпром» в одностороннем порядке бросятся спасать Европу, демонстрируя «добрую волю» и поставляя газа сверх контрактных обязательств, в условиях долго длящейся целенаправленной односторонней дискриминации со стороны ЕС газопроводов «Северный поток-2» (СП-2) и OPAL (сухотупное продолжение по территории Германии морского «Северный поток-1» (СП-1)). И, в-третьих, Еврокомиссия (ЕК) в течение долгого времени разрабатывает концепцию обеспечения «энергетической безопасности» и «надежности энергоснабжения» не в идеологии обеспечения гарантированного прохождения зимних пиков спроса

Рисунок 3. Азиатская премия на мировом рынке газа

А.Конопляник, «Газпром», Корпоративный Институт, 29.03.2022

Источник: ООО «Газпром экспорт», Департамент анализа и оптимизации

(только сейчас ЕК вернулась к этому вопросу, предложив обеспечивать ежегодное обязательное заполнение ПХГ на уровне 90% к началу зимнего отопительного сезона, т.е. к началу европейского «газового года» 01 октября), а в идеологии уменьшения зависимости от российских газовых поставок. Каковую она еще более усилила своим новым планом действия REPowerEU от 08 марта с.г.

В 2019 года были приняты поправки в Третью Газовую Директиву ЕС целенаправленно дискриминирующие конкретный проект – СП-2. Тогда ЕС присоединился к санкциям США в отношении этого проекта, каковые на два года затянули его строительство. В итоге, Германский энергорегулятор (BNetzA) сначала замедлил сертификационную процедуру СП-2, затем отложил ее, и, наконец, после начала СВО России на Украине, полностью ее остановил.

Это означает, что трубопровод пропускной способностью 55 млрд куб. м/год (что эквивалентно трети российского экспорта газа в Европу в 2021 году, по оценке МЭА), который полностью построен, заполнен газом и готов к эксплуатации, бесцельно лежит на морском дне. В то время как его объемы, если будут законтрактрованы европейскими покупателями и при завершении сертификационной процедуры, были бы весьма кстати в нынешней кризисной ситуации, обеспечили бы дополнительные объемы поставки, успокоили бы рынок и подтолкнули бы цены вниз.

Рисунок 4. «Энергетическое оружие Кремля» (России, «Газпрома») в изложении журнала The Economist

Бокс 1: ДСК Гронингенского типа

В 1962 году министр экономики голландского правительства Жан де Пус (Jan de Pous) обнародовал правительственную концепцию (она получила известность как «Нота дэ Пуса») экономического механизма мега-проекта по освоению открытого в 1959 году месторождения Гронинген на основе ДСК «Гронингенского типа». Структура ДСК являлась инвестиционным механизмом, обеспечивающим возврат инвестиций в проект освоения месторождения и создания необходимой инфраструктуры доставки природного газа покупателям/потребителям.

В 1963 году была основана компания Gasunie, как государственно-частное партнерство Royal Dutch Shell (25%), Exxon (25%) и государства Нидерландов (50%) для освоения этого месторождения. Gasunie являлась стороной ДСК от производителя/продавца.

ДСК Гронингенского типа включает положение «бери-и/или-плати»; формулу ценообразования, привязывающую контрактную цену газа с дисконтом к «стоимости замещения» – ценам конкурирующих с газом энергоресурсов (на начальном этапе – дизельное топливо и мазут, потом в нее добавились котировки торговых площадок, а сейчас цены торговых площадок – «конкуренция газ-газ» – доминируют в формулах) с лагом запаздывания; регулярный механизм пересмотра формулы цены (уровень цен корректируется автоматически в рамках и за счет механизма действия формулы цены).

Это именно те принципы формирования цен, которые столько долго и настойчиво отстаивает «Газпром» и которым столь же долго и настойчиво противодействует Еврокомиссия (вплоть до антимонопольного разбирательства 2012-2018 годов против «Газпрома» и законодательной инициативы декабря 2021 года, что к 2049 году ДСК должны вообще уйти из практики функционирования газового рынка ЕС).

Парадокс: Россия отстаивает сохранение европейской газовой традиции, в то время как европейские политические лидеры активно ее отрицают.

Автор рисунка – Brett Ryder.
Заставка к статье: Schumpeter (columnist on global business).
How Gazprom helps the Kremlin put the squeeze on Europe. Vladimir Putin's python may tie itself in knots. // "The Economist", Feb 26th 2022 edition (<https://www.economist.com/business/how-gazprom-helps-the-kremlin-put-the-squeeze-on-europe/21807841>)

Но в заданных обстоятельствах тем, кто спровоцировал газовый кризис на рынке ЕС, рукотворно создав соответствующую структуру оптового газового рынка (нацеленную не столько на физические поставки газа потребителям, сколько на торговлю газом на виртуальных хабах), выгоднее показать, используя российскую СВО на Украине в качестве повода, что это именно Россия, якобы, создала этот кризис. И призывать к сокращению, а то и к прекращению российских энергопоставок. Как это было предложено в начале марта МЭА и Еврокомиссией.

Спорные планы МЭА и ЕК

В начале марта МЭА в своем плане из 10 пунктов [8] и 08 марта ЕК в своей программе REPowerEU [9] (я бы перевел как «Перезагрузки ЕС!») представили свои предложения, как сократить зависимость ЕС от российского газа на одну треть и две трети, соответственно, до конца 2022 года. Учитывая, что, по данным МЭА, импорт российского газа в ЕС в 2021 году составил 155 млрд куб. м, это означает сокращение на 50 и 100 млрд куб. м в течение девяти месяцев, оставшихся до конца года на момент выдвижения предложений.

Президент Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен, выступая восьмого марта в Страсбурге, заявила: «Мы должны стать независимыми от российских нефти, угля и газа. Мы просто не можем полагаться на поставщика, который нам явным образом угрожает. Мы должны действовать немедленно, чтобы смягчить влияние растущих энергетических цен, диверсифицировать наши газовые поставки к следующей зиме, и ускорить переход к чистым источникам энергии. Чем быстрее мы перейдем на ВИЭ и водород, наряду с повышением энергоэффективности, тем быстрее мы станем действительно независимыми...» [10].

Но, как было показано выше, «растущие энергетические цены» являются результатом рукотворных действий ЕС по формированию рыночной архитектуры, опирающейся на нервные спотовые котировки и торговлю на хабах. «Диверсифицировать к следующей зиме» означает найти новых поставщиков вместо существующих контрактных обязательств «Газпрома», которые не могут быть разорваны в одностороннем порядке ни поставщиком, ни покупателем без выплаты прописанных в контрактах штрафных санкций и которые «Газпром» не имеет намерения прекращать до истечения сроков действия контрактов на поставку, о чем неоднократно заявлялось на высших уровнях руководства компании и страны. «Ускорить переход к чистым источникам энергии» означает поменять всю технологическую структуру экономики, поскольку невозможно в одночасье «вливать новое вино в старые меха» и заменить молекулы на электроны, особенно в отраслях конечного использования энергии, а в некоторых из них (например в дальней авиации) такая замена в принципе техни-

Бокс 2: Бирол, Стерн, Райли о правах и обязанностях «Газпрома»

Дискуссия о правах и обязанностях Газпрома по газоснабжению Европы сверх контрактных по ДСК обязательств компании в январе с.г. приобрела повышенную остроту в связи с публичной полемикой на страницах Financial Times известных в международных энергетических кругах персоналий.

12 января с.г. на пресс-брифинге гендиректор МЭА Фатих Бирол (давно и хорошо мне знакомый и весьма уважаемый мной специалист-профессионал) публично обвинил «Газпром» в том, что он способствовал созданию газового кризиса в Европе (чем, признаюсь, вызвал мое большое удивление, и не только тем, что именно я услышал из его уст, но и тем, что я услышал это из его именно уст). Бирол заявил, что «Россия могла бы по крайней мере на треть увеличить свои поставки в Европу», но она этого не сделала. Что «Москва создала энергетический кризис по политическим соображениям». Что «сегодняшние заниженные российские газовые поставки согласуются с повышенным геополитическим напряжением вокруг Украины». Что «Россия придерживалась по крайней мере треть газа, который она могла бы послать в Европу, и в то же время опустошала подконтрольные России ПХГ на (европейском – А.К.) континенте, чтобы создать видимость напряженности с поставками» [3-4]. Высказывания Бирола разошлись по многим СМИ, в частности были подробно изложены в Financial Times [4], The Guardian [3] и др.

Фактически Бирол считает, что Россия, коль, по его мнению, могла, то и обязана была бы поставлять дополнительный газ в Европу, коль скоро Европа в нем нуждалась.

При всем уважении к Фатиху, он, по-моему, не разделил понятия «иметь право» и «иметь обязанность».

Но он не первый и не единственный. Такое смешение понятий «иметь право» и «иметь обязанность» неоднократно демонстрировала, например, недавний канцлер ФРГ г-жа Меркель, говоря о транзите российского газа через Украину [7].

17 января ему ответил на страницах Financial Times также давно и хорошо мне знакомый и не менее уважаемый мной специалист-профессионал – Джонатан Стерн [5], один из (увы, немногих наиболее объективных) давних исследователей Газпрома и газовой политики России. В силу этой его объективности и репутации он в течение 5 лет (2011-2015 годы) был ко-спикером Консультативного совета по газу Россия-ЕС (КСГ) с европейской стороны.

Выразив свое уважение и даже восхищение Фатихом за проводимую им в МЭА работу, Джонатан тем не менее сказал, что хотел бы «внести существенную поправку, сказав об ответственности современной модели европейского газового рынка за высокие прошлогодние (2021 год – А.К.) цены». В КСГ «мы в течение многих месяцев выслушивали аргументы наших российских коллег, что отказ от ДСК и переход от нефтяной индексации к рыночным ценам является чрезвычайно плохой идеей. Мы проигнорировали их предупреждения и продавливали создание рыночных хабов и перевод ДСК с нефтяной индексации на спотовые цены. В течение 10 лет мы были правы, за исключением нескольких месяцев. Цены на хабах были много ниже цен с нефтяной привязкой». «Мало кто хотел заключать ДСК с требованием «бери или плати» ... однако «Газпром» настойчиво предлагал европейским компаниям заключать новые ДСК, если они хотя бы гарантированных поставок». И затем вторая ключевая фраза: «Упреки в адрес «Газпрома» в связи с его отказом

поставлять дополнительные объемы сверх контрактных и поддерживать высокий уровень запасов в европейских ПХГ, не принимают во внимание тот факт, что нынешняя модель рынка газа не содержит таких обязательств».

То есть Джонатан четко разделил понятия «иметь право» и «иметь обязанность». Он не отрицал наличия геополитических мотивов, связанных с «Северным потоком-2» и с общим состоянием отношений с Европой. Но подчеркнул, что «в течение предыдущих 10 лет модель рынка газа действовала к выгоде европейских покупателей. В предыдущем (2021 год – А.К.) году сложилась противоположная ситуация, и «Газпром» (и все остальные поставщики) пожинали плоды. Таковы непредсказуемые колебания конъюнктуры рынков сырьевых биржевых (commodities) товаров».

Спустя неделю, 24 января, Стерну там же, в Financial Times, ответил еще один мой старый знакомец (и ярый оппонент по ряду публичных дискуссий в отношении российской энергетической политики) Алан Райли [6], резкий и ярко выраженный антагонист «Газпрома» и России. Позиционирующий себя (и позиционируемый другими) как специалист по правовым вопросам энергетических отношений.

Начав с едких замечаний в адрес Стерна, что тот-де в очередной раз бросился защищать Газпром, Алан сразу объявил неправильным вывод Джонатана о «непредсказуемых колебаниях конъюнктуры рынков сырьевых товаров». Допуская в принципе «колебания» (только почему-то не газовых цен, а ценообразования на газ, что для профессионала есть две разные категории: первое – это уровень, значение, величина, а второе – механизм формирования, формула цены), он заявил, что если бы высокие зимние цены в отопительный сезон 2021-2022 годов удержались в пределах \$500/тыс. куб. м, то это можно было бы отнести на счет «колебаний». А вот их взлет выше \$1000/тыс. куб. м – это результат действий «Газпрома», который «обострил обычные зимние высокие цены и перевел их в разряд экстраординарно высоких зимних цен». Напоминает дискуссию на тему: сколько зерен – куча...

И дальше Райли по сути повторил тезис Бирола, путая «право» и «обязанность». «В то время как «Газпром» продолжал поставлять газ своим клиентам по ДСК, он отказался от существенных поставок на европейский спотовый рынок. Примерно половина европейских газовых поставок приходит со спотового рынка. В прошлом десятилетии Газпром не имел проблем в поставках на спотовый рынок». И дальше увязал это нежелание с политическим давлением в связи с «Северным потоком-2», сославшись на слова Путина, что проблем с поставками газа не будет, если СП-2 будет сертифицирован и запущен в эксплуатацию. И сделал вывод, что у России «природный газ имеется и будет поставлен, но только предположительно тогда, когда СП-2 получит разрешение на эксплуатацию от Германского регулятора».

Таким образом, активная дискуссия, развернувшаяся на Западе в отношении роли «Газпрома» в европейском газовом кризисе в значительной степени связана с глубоким, увы, непониманием разницы между «иметь право» и «иметь обязанность», между «мягким» и «жестким» правовым языком. Даже между профессионалами. Даже между теми, кто считаются специалистами по правовым вопросам энергетических отношений.

К сожалению, в сегодняшней европейской практике очень многие выдвигаемые в адрес российской энергетической политики и действий «Газпрома» обвинения, особенно со стороны политических деятелей различного уровня, построены на незнании ими предмета, профессиональной безграмотности «обвинителей».

чески невозможна в сколь-либо обозримой перспективе. И так далее. И что это за «явные угрозы» России Евро-союзу (разве что типа эмоционально представленных на рисунке из журнала The Economist – см. рисунок 4), когда именно ЕС постоянно вводит все новые и новые санкции против России, и не важно, по собственной ли инициативе или в рамках североатлантической солидарности...

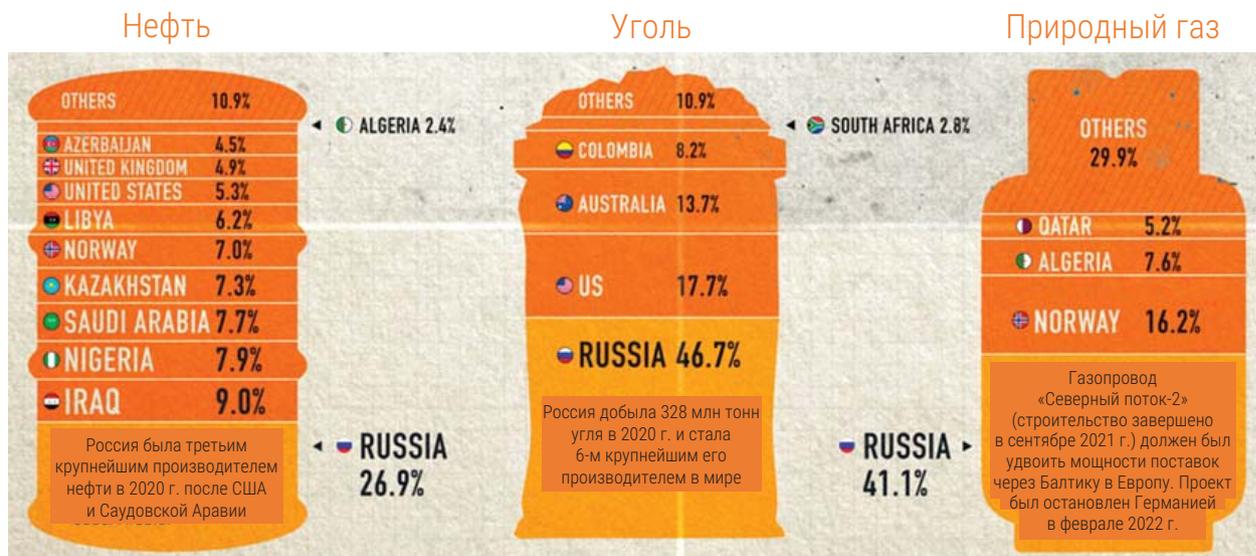
Европейские лидеры планируют стать полностью независимыми от российских энергопоставок до 2030 года (на Версальском саммите глав государств и правительств Евросоюза 10-11 марта прозвучала дата – к 2027 году [11]) в то время как сегодня ЕС, по данным по данным ЕК за 2021 г., в потреблении газа зависит на 90% от импорта, 45% которого приходится на долю России, однако цифры очень существенно разнятся по отдельным странам ЕС. Россия покрывает четверть импорта сырой нефти (плюс, добавлю, значительную долю импорта нефтепродуктов – достаточно вспомнить «рынок русского дизтоплива – Russiangasoil» в Северо-Западной Европе) и 45% импорта угля ЕС [9]. По другим данным цифры чуть отличаются (см. рисунок 5).

На состоявшихся в Брюсселе 24 марта одновременно сразу трех Саммитов – ЕС, НАТО и «Группы Семи» – их лидеры «под руководством президента США» объявили об очередном наборе санкций против России. Для ЕС это уже пятый санкционный пакет. Однако, ожидавшегося объявления эмбарго на закупки российской нефти со стороны ЕС, вслед за США и Великобританией, 24 марта в Брюсселе не произошло.

Предлагаемые меры по уходу от импорта российских энергоресурсов – что МЭА, что, особенно, ЕК – на мой взгляд, абсолютно нереалистичны в заданных временных рамках (ЕК: отключение импорта к 2027 году), и уж тем более до конца текущего года. За девять месяцев можно про-извести здорового ребенка, но не новую технологическую структуру экономики, тем более если не в рамках одной гомогенной юрисдикции, а в рамках 27-ми все еще сохраняющих свой частичный суверенитет государств в рамках ЕС, в разной степени зависящих от энергетического импорта из России.

Практически все эти меры по замещению российских энергопоставок либо имеют капиталоемкий, а потому дол-госрочный характер (ВИЭ, водород, энергоэффектив-ность), либо опираются на искаженное представление ав-торов предлагаемых мер о сегодняшних рыночных ре-алях. Как, например, предлагаемое замещение гаран-тированных контрактных поставок по ДСК (в которых гаран-тии поставок защищены оговорками «бери-и/или-плати», действующими в отношении как поставщика, так и поку-пателя) с формульным ценообразованием (обеспечиваю-щим ныне много меньшие контрактные цены, чем спото-вые котировки в Европе) по стационарной и потому «не-гибкой» (не позволяющей одномоментно уйти на другие рынки) трубопроводной инфраструктуре поставками «гиб-

Рисунок 5. Зависимость Европы от поставок энергоресурсов из России и других стран (доля в импорте ЕС в 2020 г.)

А.Конопляник, «Газпром», Корпоративный Институт, 29.03.2022

Источник: <https://www.visualcapitalist.com/visualizing-the-eu-energy-dependency/>

кого» СПГ, с преимущественно спотовым ценообразованием для Европы, причем половина СПГ на глобальном его рынке – это портфельные поставки, нацеленные на арбитражные операции. Такие предложения выглядят скорее как пропагандистские, нацеленные на непросвещенного обывателя, как демонстрация политическим руководством ЕС своему электорату необходимую (потому что ожидаемую) немедленную политическую реакцию на взлет цен и энергетический кризис на рынке ЕС.

(Продолжение следует)

Список литературы

1. А.Конопляник. Россия на формирующемся Евразийском энергетическом пространстве: проблемы конкурентоспособности. // М.: «Нестор Академик Паблицерз», 2004, 655 с.
2. С.Комлев. Ценовой шок. Что будет с газовыми котировками в Европе в 2022 г.? // Корпоративный журнал «Газпром», январь-февраль 2022, №1-2, с. 6-11.
3. Russia is orchestrating Europe's gas crisis, says energy agency boss. Fatih Birol says low gas flows to continent coincide with escalating rift over Ukraine. // "The Guardian", 12.01.2022 (<https://www.theguardian.com/business/2022/jan/12/russia-europe-gas-crisis-international-energy-agency-boss>);
4. IEA chief accuses Russia of worsening Europe's gas crisis. Fatih Birol says low supplies coincide with 'heightened geopolitical tensions over Ukraine' // "Financial Times", 12.01.2022 (<https://www.ft.com/content/668a846e-d589-4810-a390-6d7ff281054a>)
5. Letter: Europe's energy crisis should not be blamed on Gazprom. From Professor Jonathan Stern, Distinguished Research Fellow, Oxford Institute for Energy Studies, EU Speaker for the EU-Russia Gas Advisory Council 2011-15. // "Financial Times", 17.01.2022 (<https://www.ft.com/content/e447ae74-7e93-4b5c-9952-0e570507d671>)
6. Riley. Letter: Putin uses gas supplies as leverage on Nord Stream. // "Financial Times", 24.01.2022 (<https://www.ft.com/content/65fa1e2e-e22e-431b-b1d2-ca90187bc247>)
7. А.Конопляник. Как США и ФРГ собираются поддерживать Украину. И какой сценарий перехода от конфронтации к сотрудничеству может предложить Россия. // Корпоративный журнал «Газпром», сентябрь 2021 г. (№9), с. 24-34 (<https://www.gazprom.ru/f/posts/04/740744/gazprom-magazine-2021-9.pdf>)
8. A 10-Point Plan to Reduce the European Union's Reliance on Russian Natural Gas. // IEA, 3 March 2022 (<https://www.iea.org/reports/a-10-point-plan-to-reduce-the-european-unions-reliance-on-russian-natural-gas>)
9. COMMUNICATION FROM THE COMMISSION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT, THE EUROPEAN COUNCIL, THE COUNCIL, THE EUROPEAN ECONOMIC AND SOCIAL COMMITTEE AND THE COMMITTEE OF THE REGIONS. REPowerEU: Joint European Action for more affordable, secure and sustainable energy. Strasbourg, 8.3.2022, COM(2022) 108 final (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2022%3A108%3AFIN>)
10. REPowerEU: Joint European action for more affordable, secure and sustainable energy. Press-release. Strasbourg, 8 March 2022 (https://safety4sea.com/wp-content/uploads/2022/03/EU-Joint-European-action-for-more-affordable-secure-and-sustainable-energy-2022_03.pdf)
11. Итоги саммита глав государств и правительств Евросоюза 10-11 марта 2022 года. // Социально-экономический портал EXRUS.eu (<https://ru.exrus.eu/itogi-sammitya-glav-gosudarstv-i-pravitelstv-yevrosoyuza-10-11-marta-2022-id622c9b5188985c2a200ea642/Artikel1>)